

libsonka
Опера "Геликон"

РЕПЕРТУАР московских оперных театров, а их раздвиги обещал, не балует разнообразием.

Тем не менее оперная нива в нашем городе не скудеет. То и дело возникают новые труппы, пригравшие на труппе щедрых спонсоров, благодаря которым мы и слышим порой прекрасные голоса, знакомимся с новыми работами артистов, режиссеров, композиторов.

В этой связи мне хотелось бы рассказать о новой, молодой труппе воспитанников ГИТИСа, давшей своему детищу странное название «Геликон».

Не гадайте, не зарывайтесь в словарь и энциклопедию. Геликон — это самая большая медная труба духового и джазово-оркестра («могут звучать и в симфоническом»). Но Геликон — это и название горы в средней Греции, куда поэты древности помещали Бога Аполлона и сопровождавших его муз. Вот и гадайте, к какому символу молодая труппа тяготеет больше.

А между тем, именно он, а лице его главного режиссера Димы Бермана и молодых артистов, отважившихся поставить труднейшую и запутаннейшую одноактную оперу Сергея Прокофьева «Маддалена», следи партитуры которой обрелись еще в 1920 году.

Тогда, вскоре бежавшая в Финляндию княжна Инна Мещерская доверила хранящуюся у нее парти-

туру «Маддалены», подаренную ей Прокофьевым перед его отбытием за рубеж (1918) своей остающейся в Советях подруге.

Дима Берман сумел найти клир оперы в Лондоне. Ему очень хотелось украсить столичный юбилей композитора этой премьерой. И украсил. Спектакль состоялся именно в день рождения Прокофьева, являя собой некое новое слово в отечественном оперном искусстве.

Сюжет оперы — любовная интрига женщины, ее мужа и влюбленного — не нов. Коварство и изменчивость героини можно отразить режиссерски прямолинейно. Дескать, чего там, виновата — расплачивайся.

В том-то и дело, что у Прокофьева и автора либретто — барона Ливана (оказавшегося прелестной светской дамой, как пишет об этом сам композитор), гибнет не Маддалена, а ее влюбленный, убеждающий друг друга. История кровавого, сценически решенного, которую, набравшись шалости, неосторожно, Берману тут уделится. Его Маддалена предстает в тройственном образе женщины, исполненном тремя актрисами — Татьяной Моногоровой, Светланой Куликовой, Екатериной Манькиной. Это три ипостаси женской сути — любовь, преданность, коварство.

Удачны мизансцены с вертелами, общий режиссерский поиск в сценическом отражении сложнейшей для вокалистов партитуры. Кстати, оркестровую интерпретацию которой осуществил Александр Леонтьев (сценаристка и костюмы — Ольга Николаева). Партитуру супруга Маддалены — Аджанро исполнил Сергей Яковлев, его соперника — Сергей Донец. Музыкальный руководитель спектакля и дирижер — профессор Кирилл Тихонов.

В один вечер с «Маддаленой» театр «Геликон» показывал и оперу В. Ф. Маймаку по рассказу А. П. Чехова «Скрипка Ротшильда» в постановке Сергея Махно.

История создания оперы сложна. Ее написал любимый ученик Д. Д. Шостаковича, погибший на фронте. А в 1944 году Шостакович расписал клавиш оперы и сам сделал оркестровое переложение. В его инструментальном эта опера и идет в театре «Геликон».

Она воссоздает жизнь провинциального захолустья, судьбу гробовщика, умеющего, однако, хорошо играть на скрилке, которую он в конце концов завещает музыканту маленького варяжского оркестрика — Якову Ротшильду. «Зачем люди делают всегда именно не то, что нужно?». Зачем вообще люди мешают жить друг другу? — вопрошает герой чеховского рассказа, получивший столь талантливую интерпретацию в музыке В. Флейшманя, а певцы Евгений Капустин, в режиссуре С. Махно.

Итак, рекомендую — новый музыкальный театр «Геликон», созданный при Центре культуры АН СССР, Союза композиторов РСФСР, Центральном доме музыки. А еще рекомендую — БУЖЕ рассказанный о происхождении в Москве и других городах фестивале американского искусства в Советском Союзе —

Музыкальное обозрение

ОПЕРА О ПЕРЕ РОЗ НВ

ВЕСИМЫЕ 1941-214104

«Создам музыку вместе», касаясь жанров симфонической, камерной музыки. А кульминацией этого форума наши гости считают показ на сцене Большого театра оперы композитора Роберта Дидоменика — по мотивам пьесы Жана Жана «Балкон».

Накунные премьеры, на пресс-конференции, когда постановщик оперы и дирижер Сара Колдуэл, отвечая на вопросы корреспондентов, рассказывала о сюжете спектакля, по-настоящему об обитателях публичного дома, кто-то спросил: по чьей рекомендации привезены именно эта опера? Сара Колдуэл, смеясь, ответила:

— Это секрет. Вы его убьете. Но потом объяснила — это композитор Казенин. Именно он, будучи в США, отобрал из всего репертуара Бостонской оперы новаторский спектакль со столь необычными для советского слушателя сюжетом (подумайте — публичный дом, «порнуха» на сцене Большого. Ну а фильм «Маленькая Вера» разве лучше?). И столь далеким от традиционного звучания музыкальным воплощением.

Но здесь надо оговориться. Мы застоялись на полвека и больше не только в технике, но и в искусстве. Весь мир давно ищет новые формы отражения действительности, а мы цепляемся за старину, за Императорский театр а его первоизданный вид.

С одной стороны — это неплохо. У нас сохранены классические спектакли русских опер, балетов. У нас оберегается традиция большого театрального труппы постоянного состава, порой громоздкого и малоповоротливого. В этом есть своя прелесть и своя сила.

Ставим новое мало и неохотно. Не слышим новые работы композиторов, не видим, а главное — не хотим видеть новые режиссерские имена на афишах, а порой просто не «слышим» их, боясь талантов, конкуренции. Это у нас в крови. Оттого и опера «Балкон» вызвала у многих недоумение, а порой и неприятие.

Конечно, что хорошо, когда без всякой музыки (хоть бы бравый ударил кто ли) на сцену, представляющую собой некий дом со множеством однообразных окон, выходит кривобокая — обитательница заведения мадам Ирма.

Девушки — на любой вкус — отлично «ажились» в роль (говорят,

это мимане Большого). Их шокирующая волею — лишь начало. В дальнейшем перед нами предстанут и клиенты этого дома, реализующие свои несбывшиеся жизненные амбиции в глухих апартаментах, перед несчастными жертвами судьбы. Один из них воображает себя епископом, другой — неуловимым судией, третий — генералом, жаждущим оседлать воображаемую лошадь.

Дури хватает у этих клиентов заведение мадам Ирма, которая характеризует их фразой: «за стенами наших комнат — оргия». Отныне здесь покинута как некая революция, разрывавшаяся по ходу оперы в городе, где находится публичный дом. Революция, прямо скажем, опереточная. Кто кого и за кого, так и остается невыясненным (и сожаления, пьесы Жана Жана не читала). Собственно, и композитор далеко ушел от первоисточника, сам создавая либретто оперы.

Почти двадцать лет она оставалась неотрепетированной для сцены, пока ею не занялась Сара Колдуэл, поставившая ее в Бостоне, а европейская премьера осуществилась лишь в СССР.

Подробный анализ партитуры оперы дает сам композитор. Он пользуется не привычной шестью, а

двенадцатиголосную музыкальную систему, для каждой оперы — свой звукоуряд. Голоса — от самых низких в первых сценах к истерическим высоким в заключительных. Каждый персонаж и сцена имеют свою инструментальную. В опере немало «чужих» мелодий. Р. Дидоменика трагист замесами пьесы «Музыка другие композиторов» когда играла важную роль в моих сочинениях.

Дури хватает у этих клиентов заведение мадам Ирма, которая характеризует их фразой: «за стенами наших комнат — оргия».

Как говорится, каждому — свое, только что бы оказались на это Бах, Гуно, Шопен, Глен Миллер, мелодии которых слышны в творении Дидоменика?

У нас зашорены глаза и уши. Мы как-то не можем оценить всей метафоричности оперы «Балкон», с такими уверенными и открытой душой представленной нам талантливой труппой города Бостона во главе с незабываемой Сарой Колдуэл. Но, отдавая дань всем новациям, хочется вспомнить слова великого Верди: «Вспомните к старому, и он будет прогрессом».

Татьяна СОВОЛЕВА.
НА СНИМКАХ: сцены из опер «Маддалена», «Балкон», «Скрипка Ротшильда».